

ПУТЕШЕСТВИЕ РУССКОГО ХРАМА

Удивительным пространственным триптихом заиграло-обернулось возведение храма на Енисейском Севере. В одну повесть сложились планетарные прострелы: Карелия – Енисей – Алтай, ещё раз напоминая нам, что пути Господни и судьбы чад Его неисповедимы.

Всё началось с идеи создания музея Енисейской традиции в нашем селе. Не переставая удивляться терпеливой и творческой душе наших предков, мы собрали замечательную коллекцию предметов промысла, выживания, быта. Но всё до поры не ладилось, и стройка нового здания обернулась навязчивой провололочкой, будто чего-то главного не хватало для воплощения хорошей и своевременной задумки. Этим главным оказалась другая стройка, о которой и пойдёт речь.

Мечта возвести храм в родной Бахте давно и незримо стояла в душе, но от мыслей до дела пропасть лежала. Однако необходимость благого этого дела подступала всё настойчивей.

После открытия русских границ в конце XX века в Сибирь и самые отдалённые её районы хлынула обильная душеловствующая шантрапа. Кого только здесь не перебивало, каких только фантазмагорических картин мы не насмотрелись! Баптисты, зафрахтовавшие целую самоходочку и поднявшиеся аж по Подкаменной Тунгуске, китайцы, поющие под гитару псалмы на английском

языке, католический священник, ведущий проповеди в сельском клубе в промежутках между дискотеками, пятидесятники, прочно обосновавшиеся в Туруханском районе, заведшие своих приверженцев во многих посёлках и охмурившие изрядное количество кетов – реликтовой коренной народности, численность которой вот уже век держится в пределах тысячи человек.

Однако ситуация, набрав критическую массу, изменилась, да и зараза безбожия, как оказалось, прилипла далеко не ко всем енисейцам. Православие, тихо тлевшее в потерянных душах, потихоньку вернулось – через родовую память, через беды-горести, через духовную зрелость поколения – то домашними молитвами одиноких женщин, то заездом так и не прижившейся странной пары, последователей опального Диомида. Вскоре открылся и молельный дом, где благочинный отец Агафангел вёл службы, прилетая на вертолёт за 400 вёрст из Туруханска, где возродился монастырь.

Туруханский район – старинный промысловый край и обитель рыбаков-охотников. Огромная территория, раскинувшаяся на берегах таёжного Енисея. Летом связь между посёлками, или по-старинному станками, лишь пароходами по Енисею, зимой – по воздуху.

Есть что-то особое в истории православия в таких углах. Старинным духом веет от архивных записей, повествующих о закладках станов духовных миссий... Поражают жития сибирских святых – они будто не удалены от нас условностью эпох и расстояний, а возникли словно вчера в понятном и близком пространстве, явились огромно из бытового почти поворота, подчеркнув и близость, и пропасть между обычной жизнью и подвигом.

...Дивные, тревожащие душу слова: «воеводский двор, съезжая изба, соборная церковь», и контраст между нечеловеческими морозными просторами и тогдашним бытием – трудным, диким и пропитанным в ту пору лишь традициями «самоедов». Где человек буквально размазан по снеговым нагромождениям гор, тайги и тундряков, огромных, укрытых льдом водных пространств, под тяжелейшим бытом, где полупрозрачным минералом сверкнёт вдруг мясо дивной рыбыны, темно и благородно отольёт орехом соболья жаркая ость... Промысловые будни селькупов и эвенков, долган и нганасан, какой-нибудь «ясашный остяк Ромашка Муксунов», живущий в мёрзлой землянке, и вдруг с непоправимой упорностью: основание и жизнь монастыря или архиерейского подворья, возведённого по всем правилам и невзирая на морозы да непогодь, на выстужающее безлюдье и набеги «воровской самояди». Дорогостоящий такой контраст...

Где как не здесь особенно видна историческая роль православия для России! Когда синхронно с отрядами первопроходцев двигалась в Восточную Сибирь и на Дальний Восток Православная церковь, и «крылатая птица православия», по словам святителя Макария, уже начала простираться пречистую свою сень над немыслимыми и великими просторами... И очерк архангелогородских парусных кочей, идущих по Тазовской губе закладывать златокипящую Мангазею, неотрывно переплетён с корабельной статьёй рубленых поморских церквей...

Мангазея, отзвенев на всю Сибирь, переедет с Таза в Старо-Туруханск на Турухане, а потом и на Енисей на устье несравненной Угрюм-реки (Нижней Тунгуски) в село Монастырское – нынешний Туруханск. Туда же переместят мощи первого енисейского святого – Василия Мангазейского. По легенде, когда их везли по Турухану, цвели по его берегам дивные цветы.

Поморская седая жи́ла не только корабельной походной нотой, купеческим корнем вживилась в полярный Енисей, но и навек влилась в здешний говор: «исть», «быват», «утка в море – хвост на угоре», «сивер» (направление ветра)... И даже в селе Ворогове, стоящем почти в полутора тысячах вёрст от Карского моря, протока меж коренным берегом и селом зовётся Шаром.

Летом 2008 года священник из Красноярска отец Даниил и настоятель храма в селе Ярцево отец Сергей на небольшом потрепанном катеришке положили начало паломничеству и миссионерству, точнее возродили их на Енисее, пройдя от Красноярска до Туруханска. С ними была москвичка Елена Тростникова – замечательная православная женщина и автор целой серии религиозно-просветительских книг, которые следовало бы издавать массовыми тиражами и распространять бесплатно. Елена Викторовна – человек глубочайшей культуры, литературно одарённый и сугубо верующий. Ещё и в таком дефицитном сочетании особая ценность её книг.

Паломники посетили и нашу Бахту. Встретились мы посреди посёлка. Познакомились, разговорились, зашли ко мне домой. После отправились на катер и там долго сидели в тесном кубрике, где присоединились к нам и пожилой капитан, и матрос-мальчишка.

Словно огромные створы сошлись на берегах жизни, и от ощущения духовной и человеческой близости затрепетало-ожило в душе дорогое, сокровенное, словно с незнакомыми людьми ему доверчивей стало и свободней, чем в привычном и притёртом кругу. Говорили о наболевшем, о судьбе Отечества, о неравном противостоянии любимого, родного и того циничного, чуждого, что

такой болью отзывается в сердце любого чувствующего русского. И который раз за день возвращалась главная тема: дальняя и будто заповедная мечта построить храм, и то, что пришло для этого время.

Так хорошо было с внезапными этими гостями, что, не удержавшись, поделился я планами новой книги, прочитав строки из неготового ещё стихотворения. Рассказал и о месте, подарившем эти строки, – о самой крайней точке нашего Отечества, острове Танфильева на юго-востоке Курильской гряды...

Там, на берегу Тихого океана, довелось мне испытать запредельное чувство Края с большой буквы, куда вмещается и край Родины, и край жизни, и край, над которым взвисла, как по-над пропастью, измученная человеческая душа.

Остров пустынен и гол. От южного охвостья до хоккайдского берега тут всего полторы мили. Именно здесь и стоит навсегда поразивший меня православный крест из грубого железа. Туманы наплывают на него сизыми пластами, и бирюзово-синий прибой оливаёт базальтовые глыбы, и они того же цвета, что на таёжных речках, впадающих в батюшку-Енисей... И к западу лежат за плечами острова-проливы, и бескрайний пласт суши, вздыбленный горами, с городами и посёлками по берегам диких рек, и вот из туманного морока медленно появляется и сам батюшка-Енисей, великий путь, соединяющий Монголию и Арктику и делящий страну пополам. И образующий с непомерным Транссибом гигантский крест, простирающий руки к двум океанам...

Время пришло паломникам пускаться в путь, и настало прощанье. Напоследок Елена сказала слова, с которых всё и началось: «Ну, всё, нам пора. А насчёт храма – думай. И знай, что есть люди, которые могут помочь со стройкой. Им не впервой. Приезжай в Москву – я тебя познакомлю со Светланой Покровской».

Светлана, представляющая Попечительский совет святителя Алексия, оказалась маленькой женщиной, чей молодой и беззащитный вид и детская улыбка никак не вязались с тем, что её стараниями строились храмы по России и окрестностям. Не укладывались в голове размах задач, каждодневное нарастание-спад больших и малых вопросов и вопиюще хрупкий облик этой женщины. Однажды я долго не мог ей дозвониться – оказалось, она посреди бела дня потеряла сознание. На момент встречи у Светы и её единомышленников шло возведение мощного храма в Таджикистане. Подвижническая деятельность этих небывалых людей, испытания, которые выпадают на их долю в непосильных этих стройках, почти не вяжутся с нашим временем и достойны отдельного и глубокого повествования. В енисейском строительстве, кроме Светы, участвовало

ещё четыре человека. Да звучат в молитвах о здравии славные эти имена: Светлана, Антон, Елена, Никита, Игорь. К сожалению, нам так и не удалось повидаться с Еленой Тюриной из Петрозаводска, очень много сделавшей для стройки...

– Средства есть. Ну что – берёшься? – сказала Светлана и добавила:

–Только решай сейчас. Иначе деньги уйдут на другую стройку.

Не веря ушам, я попросил три дня на раздумье, за которые целую жизнь прожил. Обрушившееся на меня счастье обратилось одновременным смятением. Будто кто-то убеждал, что я духовно недостоин посланного послушания, что слишком много на себя беру, и следует для начала обкатать волю на стройке музейного комплекса, да и вообще добрать внутреннего ладу.

Подготовку к стройке начали весной, когда в Бахту уже по воде приехал Виктор Иваныч Канаев, архитектор и православный человек из исчезающей уже породы русских, в которых глубочайшая культура сочетается с доскональным знанием дела... Дальше он работал в Таджикистане.

Сначала речь шла о рубленном храме на мощном каменном цоколе и каменной колокольней, благо базальтовыми булыганами завален весь бахтинский берег. Потом, опасаясь затянуть стройку и завязнуть в масштабном проекте, решили срубить обычную деревянную церковь.

А пока с Виктором Иванычем искали место и изучали прозоры на храм – то с улиц посёлка, то с фарватера... Заезжали на лодке, глушили мотор и, глядя на россыпь крыш с разных точек, представляли, как с проходящего судна будет глядеться остриё колокольни. Чудное это дело – прокладывать прострелы для очей и будто расчищать дорогу в прошлое к тем, кто веками строил по Руси храмы, созидал знакомый облик русского пейзажа.

Было выбрано три места. Какое именно утвердить, обсуждалось на поселковом собрании. Много несуразностей происходило в тот день в клубном зальчике. Вроде бы все хотели одного, но то оказывалось, что церковь перекроет доступ ветра к метеоплощадке, то помешает ребятам гонять в футбол. Нашлась и пара противников, выступавших с такой яростью, что, казалось, бесы вселились в людей, вполне разумных в обычной жизни.

Место выбрали. В конце июня, неожиданно студёном и по-морскому промозглом, его освятил владыка Антоний, архиепископ Красноярский и Енисейский, следовавший по Енисею паломническим рейсом на пассажирском теплоходе. Потом работали над списком оборудования и материалов,

запланировав завезти в первый год всё необходимое для стройки, в частности пилораму и цемент. Необыкновенно воодушевила подмога Енисейского пароходства, предоставившего бесплатно судно с краном (в северных посёлках нет ни причалов, ни специальной техники, и выгрузить что-либо на берег можно только судовым краном с хорошим выносом стрелы).

Одновременно работали над проектом храма. Строевой сосны в Бахте нет, здешние кедрины с прикорневыми дуплами тоже не шибко годятся для стройки, а главное, слаженной, опытной бригады на месте не сыскать. Поэтому с самого начала было решено готовить сруб в более подходящем месте.

Ещё в конце зимы я связался с алтайскими друзьями и вышел на бригаду, участвовавшую в стройке Свято-Троицкого храма для Антарктиды. Мне рекомендовали человека из Усть-Коксы, который обещал переговорить с мужиками-строителями. Воодушевлённый, я стал ждать ответа. Больно хороша была спайка: Алтай, Антарктида, Енисей. Да и Усть-Кокса с Уймонской долиной и крепчайшим старообрядством тоже о многом говорила, хотя сруб для Антарктиды и готовили не в Коксе, а в Кызыл-Озеке под Горно-Алтайском.

Из алтайской затеи ничего не вышло: по поводу стройки на Енисее мужики сказали что-то вроде: «Сильно далёко к морю».

Света, при всей женской хрупкости, смотрела на вещи крепко и, чтоб не терять время, склонилась к синице в руке, то есть к типовому проекту, который сработают опытные люди на месте, где есть строевой лес. Хотя обсуждались разные варианты, включая цилиндровку из Канска. Бревна цилиндруются, то есть обтачиваются под один размер, выходя будто из-под карандашной точилки. При этом нарушается заболонь, сокращая срок жизни строения. Да и выглядит сруб больно аккуратно-игрушечно, не то, что настоящий рубленый – с живой и неповторимой пластикой каждого ряда, с игрой бугристых утолщений, будто отлитых из сливочного масла и плавно обнимающих глазастые сучки.

Идёт время, приближается осень, и вдруг Светлана сообщает ошеломляющую новость: сруб будут рубить не в Красноярье и даже не в Сибири, а в далёкой Карелии – в посёлке Великая Губа на берегу Онежского озера в прямой видимости от знаменитых Кижей. Как? Почему? В такую даль? И как везти? – посыпались со всех сторон вопросы.

Зимой образовалась поездка в Москву и Великую Губу. Поездка удивительная – через Вологду, через Ферапонтов монастырь и дальше по северной какой-то соединительной дороге на Петрозаводск. Пустынная трасса в задумчивом коридоре инея... Серебряные берёзы, мачтовые высоченные сосны с

картинными флагами редких крон... Русский Север, забытый за годы жизни в Сибири... В попутных музеях удивило, что экскурсоводы, с такой подробностью и проникновением в тему, к примеру, фресок Дионисия, не являются верующими.

В Губе нас встретил Владимир Александрович Аверьянов – именно его бригада работала над срубом храма для Бахты. Володю мы оценили сразу – не каждый организует такую артель, приобщит к делу парней, увлечёт и обеспечит заработком. Посмотрели уже готовую церковь на берегу Онежского озера – именно её взяли за образец бахтинской.

Нашу, правда, было решено удлинить на полтора метра. Её сруб ещё только рос, и удивительно молодыми и какими-то неоперившимися казались ходящие вокруг нижних венцов ребята.

Сосна карельская хороша – что и говорить! Да и парни знали дело. Много из того, что мы увидели, было новым: паз «ова́лили» носком бензопилы, и он выходил ровнее, чем из-под тесла-пазовки. (Шины приходится менять – но зато паз какой и сколько сил сэкономишь и времени!)

К плотницкому циркулю для размётки паза приматывали уровень – когда ведёшь его по боку бревна, он норовит завалиться, гульнуть в руке, и черта гуляет. Здесь это исключалось.

Володя устроил экскурсию по Кижинскому музею деревянного зодчества. Виденный на картинках храм восхитил, так же как и стоящий рядом огромный поморского вида дом. Выяснилось, что большинство храмов здесь летние, так же как и большая часть помещений огромных домов – поди натопи такие хоромы! Семьи в старину были большие, сыновья на зиму отправлялись в Петербург на отхожие промыслы, а летом возвращались и жили в многочисленных светёлках, помогая батю с покосом и прочими работами.

И просто заворожила ветряная мельница: она вращалась на оси, и её, подобно огромному флюгеру, подстраивали под ветер. За здоровенную вагу, как за ручку, её поворачивал конь. Какое совершенство... Слияние назначения и красоты замысла... И что-то былинное... И связь с ветрами-пространствами... Задующий северо-запад, фыркание коня... Со скрипом разворачивающаяся мельница... Будто орудие или сказочная избушка...

А Онега?! Равнина, снежная гладь озера и нитка дальнего берега... И на каждом мысу рубленая церковка или часовенка, как стебелёк, как луковка. И мысли: «Как же было всё здесь пропитано православием! До такой степени оно вписалось в пространство и так стало частью местности, что, казалось, сама земля

карельская выпрастала эти стебли-луковки, как побеги берёзок». И вопиюще безбожной гляделась окрестная жизнь на этом поредевшем фоне.

Ясно было, что от этой деревянной поросли осталась малая часть. А весной, ещё по снегу, в Бахту приехала часть бригады – налаживать пилораму и готовиться к заливке фундамента. Карельцы не могли и представить себе наши условия, никакие рассказы не убеждали, и в их головах не укладывалось, что здесь земля оттаивает к середине июня, и что камни и гравий не взять с берега, пока в Енисее не спадёт весенняя вода.

Собирать сруб на месте должна была та же бригада, что и рубила. К весне выяснилось, что ребята взбрыкнули: заломили за сборку новую цену, а иначе, дескать, не поедет. Светлане с Володей пришлось уступить. Вскоре сруб был готов и загружен на четыре фуры.

Встречал я дальнобоев на подъезде к Красноярску, на площадке у гостиницы, где те ночевали. Сонные, вылезали они из высоких кабин, отпаиваясь чаем из термосов, – стартовать надо было ранним утром, чтобы до пробок пробраться на причал грузового порта. Фуры шли парами – первая отрывалась на сутки, и когда пришла в Красноярск, вторая только подходила к Новосибирску. («Ну, те-то... артисты, не торопятся, едут, фотают. Ещё и удочки с собой прихватили...») Первые собранные, деловые, сразу озаботились обратным грузом, вторые всё смотрели по сторонам, дивились новым местам, останавливались.

Первая упряжка благополучно разгрузилась в порту. Следующим утром я снова подъехал на площадку мотеля «808-й километр» и, идя сквозь ряды магистральных тягачей, искал карельские номера. Вдруг я увидел огромный синий капотник, утянутый и зеркально-гладкий «вольвяк-американец». Из него, стрясая остатки сна, вылез крепчайший лыбящийся парняга, лучащий такую радость жизни, такое счастье от того, что он везёт за тридевять земель сруб храма, что вот-вот увидит Енисей и сопки за ним... На вопрос «сколь кляч» у его агрегата, резанул сочно с той же улыбицей: «Шестьсот бразильских кобыл!» И была в этом всём удивительная какая-то жизненная какофония... Так же на бодряке, с восторженной улыбкой на полном лице, водила участвовал в разгрузке – стащив с огромного кузова тент, помогал портовским стропальщикам и, стоя на платформе, подцепляя ящик с куполом, покрикивал крановщику: «Ну-ка набей чутка!» Позже оказалось, что у него на протяжении всей разгрузки буквально отламывалась спина.

И вот храм сложен штабелями на площадке и ждёт погрузки на судно. Всё это происходит под контролем гендиректора Енисейского речного пароходства

Александра Борисовича Иванова и его заместителя Андрея Васильевича Яковлева. Александр Борисович, редчайший для нашего времени человек, буквально горящий созиданием. Побольше бы таких на енисейском меридиане!

И вот уже берег Бахты и ровно полсуток разгрузочных работ. Рейсы аварийной машины и еле живого трактора между крановой самоходкой «Керчь» и стройплощадкой в посёлке, где среди травки висится сложный угловатый фундамент.

Самым главным было упросить капитана не торопиться и дать возможность грузить брёвна в телегу, а не на берег, чтоб потом не корячить их вручную в ту же телегу. Последнее могло бы растянуться на неделю, в течение которой мог заштормить Енисей и побить брёвна.

Начальник ЖКХ Халимон дал трактор, но наотрез запретил разгружать в «камнях», где только что «разулся» свежевзятый тракторист Серёга. Халимон орал, срываясь: «Пускай пристаёт ниже, «под коргой!» Пароход стоял у «камней», и с него орал капитан, что не пойдёт под коргу, где пробьётся, и что

«выгружайте, на хрен, здесь, пока ветер не пошёл!» В ходе нервного этого ора удалось уговорить Иваныча разрешить разгружать у камней.

Всю белую северную ночь возили толстенные брёвна, ящики с луковками куполов в свежей чешуе осинового лемеха. День отсыпались – важнейший этап был позади.

Путь на фурах из Карелии, погрузка в Красноярске – всё пошло бы насмарку, если бы хоть что-то сорвалось в Бахте.

Началась стройка, в течение которой каждый день происходило что-нибудь непредвиденное. И вот случилось то, что никак не вязалось ни с высокой задачей, ни с целой цепочкой серьёзных и ответственных людей, участвующих в деле: карельские ребята запили.

Насколько представлялась стройка храма неким священнодействием, делом вдумчивым и требующим особого внутреннего состояния самих строителей, настолько жёстким и земным оказалось всё в жизни. Нет... – думалось, – видимо, только в книгах бывают артели бородатых трудовых здоровяков, крестьящихся перед каждым подъёмом бревна.

А в городах-то и вовсе таджики работают на стройках православных храмов, и это оказывается организационно и финансово проще, чем наших

мужиков нанимать. А разве неверующие экскурсоводы в монастырях – не из того же ряда?!

А главное, парни-то вроде хорошие! И всё какие-то трудные, каждый с историей... Один после войны. И не отправишь его обратно, потому что он главный в бригаде по высотным работам, и без него не завершить верх, включая установку крестов.

Странные ребята... Вырвались из своей Карелии и будто потерялись. Перепугались по прилёте в Красноярск (с их же слов) пустяка какого-то, что пришлось с вещами на такси ехать в город из аэропорта. Ещё что-то... И всё переспрашивают: «Ну что, как мы срубили? Красиво?» Красиво...

Дом, куда их поселили, – и без того не гостиница, а тут и вовсе превратился в шалман, и пошли по деревне разговоры, упрёки...

А для работы каждый день важен, и надо до осени кровь из носу управиться. А там поди поползай под дождями по скользким доскам... Да и начнётся, как обычно – новые неувязки, то сырь, то заморозки... А время-то не ждёт.

И зима дальше... Сейчас, по прошествии времени, всё как-то проще видится, будто и страшного ничего не было – ведь решилось же всё. Решилось...

Утро. Звонит Иваныч: «Ты это... разберись со своими...»

Опохмелка на ступенях храма, куда ещё и наших, бахтинских ребят втянуло. Морды бить в разгаре благого дела? Да и слушают ребята только Володю из Великой Губы, потому что зависят от него с потрохами. Выгнать в шею? Наши не сработают так, слишком тут своя, особая технология... Трудное, бессонное время. И вдруг приходит по почте пакет...

У меня хорошая память на имена-адреса, а тут как отшибло, будто специально отвёл кто внимание – не могу вспомнить, откуда бандеролька.

В руках я держал фильм «Алтайская повесть». История человека, который, будучи преуспевающим советским фотографом из Москвы, решил посвятить остаток жизни воссозданию храма Иоанна Богослова в Чемале на Алтае. Имя этого человека – Виктор Николаевич Павлов.

В 1849 году великий подвижник архимандрит Макарий основал Чемальский стан Алтайской духовной миссии. В этом же году был построен храм Иоанна Богослова, а в 1915-м его перенесли на остров Патмос, что высится посреди Катуня огромным каменным утёсом. Здесь же находился скит Иоанна

Богослова. Название остров получил в честь греческого острова Патмос, где молился когда-то святой апостол Иоанн Богослов. Храм был разрушен в двадцатые годы.

Фотографом Виктор Николаевич объездил всю Сибирь и Дальний Восток, но могучее излучение алтайской земли навсегда остановило его бесконечный фотоаргиз. Увидев то бирюзовую, то млечно-синюю Катунь в скалах, её трепетную плоть вокруг удивительного острова-волнореза и проникшись историей Чемальского стана и судьбой святителя Макария, Виктор Николаевич решил здесь остаться, чтобы возродить храм и скит.

В течение десяти лет Павлов с женой Гаянэ (в крещении Галина) работали над стройкой, продав всё, что возможно, – квартиру в столице, необыкновенно дорогой фотоаппарат «Хассельблат» (это название мне почему-то особенно тогда запомнилось). С первых же лет их подвижничества на них обрушились испытания: им сожгли дом, сожгли машинешку, на которой Павлов приехал из-за Урала.

Поначалу Виктор Николаевич перебрался в Чемал один, а потом, понимая, что в одиночку не сдюжит, написал жене: «Не могу – приезжай!» И Галина Степановна приехала.

Павлов построил подвесной мост между коренным берегом и островом. Возродил скит. Открыл и вёл с женой воскресную православную школу. Храм был завершён в 2010 году и освящён 10 января 2011 года. Стояли морозы, но епископ Барнаульский и Алтайский Антоний сказал, что если и пятьдесят градусов будет – всё равно приедет на освящение. (Звучит символично, потому что храм в Бахте до сих пор не прошёл полное освящение.)

Особо запомнились последние кадры фильма: идёт служба в храме Иоанна Богослова. Худощавое измождённое лицо Павлова вдруг беспомощно морщится, и он, заплакав, вжимается в плечо отца Максима.

В храме Иоанна Богослова на острове Патмос Виктор Николаевич и Галина Степановна вскоре обвенчались. Даже представить трудно, что происходило в их душах в эти невыносимые минуты...

.....

Так трепетно, слёзно, крепко на сердце стало от этой истории, что и добавлять ничего не хочется.

.....

Храм Исповедников и Новомучеников Российских в селе Бахта Туруханского района собрали в срок. 23 сентября 2010 года его освятили отец Агафангел и отец Александр. Погода выдалась той неяркой ясности, когда осеннее солнышко будто изнутри наливает тихим золотом притихшую тайгу. Наутро после освящения выпал снег, будто шла всю ночь незримая работа и укладывалось в жизненных далях великое событие. К утру полностью сменились краски и напиталась просторная окрестность меловым сияньем, пресветлым осенним серебрецом.

Потом началась жизнь прихода, где неожиданно открылся каждый человек маленьким откровением. Постоянно живущего батюшки в селе нет. Отец Александр, родившийся в Бахте, настоятельствует в Бору, а у нас бывает наездами, поэтому каждый день в храме читает молитвы кто-то из прихожан – составлено целое расписание. Храм до сих пор не прошёл полного освящения, хотя всё зависящее от нас сделано. Нынче осенью привезли колокола. Сгружали уже по снегу с обледенелого парохода. Колокола подарил бывший ученик бахтинской школы.

Светлана заканчивает стройку храма в Читинской области в Чесучее.

.....

Год спустя я поехал в Чемал. По морозцу... По Чуйскому тракту... Накануне Крещения. Подъезжал к Чемалу в темноте, и через стекло, чуть зарастающее с угла морозным туманом, видел лишь то, что освещали фары, – родной облик сибирской зимней дороги, куски породы, кусты. Огромные горы были скрыты тьмой, и стояли незримо, как тайна, которую надо заслужить ночью тревог и раздумий.

Утром по хрусткому снегу, по седой улице мимо вертикальных дымок над трубами, поехал на Патмос. По-алтайски богатый, рослый и стройный сосняк спускался к скалистому угору Катуня. Неподалёку от часовни я увидел свежую могилу с венками. «Виктор Николаевич Павлов» – прочитал я на табличке.

.....

– Будет первая молитва, и всё отойдёт, как страшный сон, – сказала по телефону Светлана в разгар строечных неурядиц, и уже другим голосом спросила: – Ну и что, как она... красивая?

–... Красивая...

Правда, красивая... Наша церковь... Особенно когда отошли в прошлое все неувязки и тяжкие открытия. И встала ещё более непосильная задача – работа храма, стройка храма внутри каждого, борьба с новыми искушениями... С душевным успокоением, наступающим по завершении большого дела... И попытки осознать происходящее на сизых от снега просторах Отечества... Вглядеться мудро и смиренно, как наставляли Святые Отцы. Осознать, какое достояние нам завещано, какая земля, выстоявшая в иноземных нашествиях, улитая кровью наших старших братьев и учителей, омоленная и живая их делами...

Снова вспоминаю зарождение стройки, и встаёт из тихоокеанских туманов ещё один старший брат – крест из грубого железа на острове Танфильева... Когда-то поразивший своей сторожевой правдой, рабочей силой ржавого железа, невидимо участвовал он и в нашем общении на парходике, уткнувшемся в каменистый бок Енисея, в разговоре, двинувшем-пошевелившем страшное противостояние на один стебелёк колокольни... Енисей-батюшка серебрился тогда особенно спокойно, огромным крестом лёжа на груди России, длясь жилисто и протяжно по всем её румбам.

Вот гудким плечом отзывается пролёт Енисей – Кижь... И встаёт Северная Русь, поморские селенья с теремами, Онега с побегами церковок-часовенок... И четыре фуры, гружённые светлым грузом, прокоптив солярой через Камень-Урал, наддают ходу по Ишимским степям да солончакам... И Русский Север жёлтой сосновой плотью, смуглыми глазками сучков вбирает кряжистое начало Восточной Сибири, сизое варево енисейских вод. И, повторяя корабельный образ поморской церкви, идут Севморпутём парусные кочи закладывать мангазейский кремль-детинец...

Ещё один луч переложил Енисейский Крест, и встаёт-возвращается снежными горбами-громадами Святой Алтай, уже раз замаячив, поманив Антарктидским храмом, возвращается Чемальской историей, чудо-островом, небывалой судьбой человека и храма. И снова проходят перед глазами завершающие кадры фильма: измождённый, седой и лохматый человек говорит негромко и твёрдо, зная, что немного земных дней ему отведено: «Что сказать людям... которые остаются... здесь, на земле? Любите Бога...

Бог есть... И самое главное – чтобы в душе Храм был... построен»...

.....

И снова, как у Есенина: «Милые мои, хорошие!» Как же научиться не опаздывать? Как научиться быть благодарным за содеянное добро?

Правда... Когда научусь помнить? Буду внимательным к людям, событиям, знакам небесным? Как узнаю теперь, кто послал диск?

Село Бахта Ноябрь 2012 г.

Низкий поклон автору фильма «Алтайская повесть»

Сергею Роженцеву